

И.Ю. Жилина

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ – ЧТО ДАЛЬШЕ?

Среди множества острейших социально-экономических и политических проблем современной России проблема коррупции занимает одно из первых мест. Более того, реальная ситуация с коррупцией в нашей стране часто оценивается как критическая, угрожающая национальной безопасности страны. В интервью журналу «Spiegel» Президент РФ Д. Медведев заметил, что, «коррупция... расцвела маxровым цветом после перехода России к современному состоянию устройства экономики и политической системы» и «приобрела очень уродливые формы» (10). «История, – отмечает С. Гуриев, – пока не знает примеров богатых стран с таким высоким уровнем коррупции, как в России... по уровню коррупции Россия сегодня сопоставима с африканскими странами, где показатели душевого ВВП в 4–5 раз ниже» (9, с. 11).

Коррупция – явление универсальное, связанное с возникновением и развитием государства и его бюрократического аппарата, хотя ее исторические корни восходят к древнему обычаяу делать подарки, чтобы добиться расположения богов, вождя племени и т.д. Поэтому в той или иной степени коррупция затрагивает жизнь любого современного общества. По оценкам международной организации Transparency International (ТИ), только в развивающихся и переходных экономиках объем взяток политикам и чиновникам ежегодно достигает 20–40 млрд. долл. (59, с. 4). Хотя в Новейшее время ряду стран удалось добиться значительного снижения уровня коррупции, Россия, несмотря на предпринимаемые, особенно в последние два года, усилия, к сожалению, не относится к их числу.

Понятие коррупции и подходы к ее изучению

Природа коррупции, ее причины и последствия для общества, целесообразность и механизмы борьбы с нею являются предметом неутихающих споров. Коррупция многообразна в своих проявлениях, что создает определенные трудности для ее определения. Многие специалисты считают, что коррупция не поддается точному описанию и измерению, поэтому удовлетворяющего всех «однозначного» определения этого явления не существует (и едва ли оно будет сформулировано). Как отмечает В.Танци, каждое из определений по-своему верно, но в каждом отсутствуют те или иные характеристики коррупции (56, с. 4).

Так, оценки даже наиболее общего и наиболее распространенного определения коррупции как «злоупотребления государственной должностью для получения личной выгоды»¹ (в литературе встречается несколько вариантов этого определения) представителями различных научных дисциплин существенного расходятся.

Антрополог Т.К. Сиссенер считает это определение, опиравшееся на веберовскую модель рациональной бюрократии, основная идея которой состоит в четком разграничении публичной и приватной сфер, и ссылающееся на нарушение закона, слишком узким. Из него выпадают действия, не подпадающие под законы, в том числе под правила, регулирующие разделение между приватным и публичным; оно не учитывает, что законы, а также мнения о легальности тех или иных действий различаются от страны к стране; оно предполагает, что законодательство является естественным, объективным и независимым от политики. Однако коррупционная деятельность – это социальное действие, которое необходимо рассматривать в связи с социальными отношениями между людьми и в определенном историческом контексте: определенное социальное

¹ Российское законодательство определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами», а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ст. 1, п. 1) (12, с. 180).

взаимодействие может сегодня оказаться законным, а завтра незаконным (5, с. 61).

Т.К. Сиссенер предлагает использовать для определения коррупции предложенный О. де Сарданом термин «коррупционный комплекс», что позволяет включить в рассмотрение такие явления, как непотизм, злоупотребление властью, растрату государственных денег и различные формы присвоения, «торговлю влиянием», уклонение от налогов, незаконные операции с ценными бумагами и т.п. (5, с. 62).

В то же время юрист Ю.Г. Наумов называет приведенное выше определение слишком широким, так как оно включает разнообразные хищения, а также злоупотребления, не связанные с коррупционными актами как своего рода сделками, подобными купле-продаже. С его точки зрения, коррупция представляет собой торговлю властью прежде всего в государственном, а также негосударственном секторах, т.е. коррупция – это нелегальный рынок властных полномочий, обмен власти на выгоду в ущерб принципу социальной справедливости. При этом стержнем коррупции всегда является подкуп (25, с. 133). Сходной позиции придерживаются И.Я. Богданов, Ю.В. Голик и В.И. Карасев, считающие, что «самым мощным на сегодня источником коррупции внутри социума является капитализация властного административного ресурса, т.е. превращение власти в товар» (4, с. 9).

Эти два примера лишний раз подтверждают сложность и многогранность самого явления коррупции.

В научной литературе представлено множество классификаций коррупции по разным критериям: по типам взаимодействующих субъектов (граждане и мелкие служащие, фирмы и чиновники, нация и политическое руководство); по типу выгоды (получение прибыли или уменьшение расходов); по области приложения (административно-экономическая и политическая); по уровню власти, пораженному коррупцией (низовая и верхушечная); по способу взаимодействия субъектов, степени централизации, предсказуемости и т.д.

Например, как определенный вид социально-экономических отношений коррупция разделяется на два вида. «Западная коррупция» является своего рода рынком коррупционных услуг, на котором стороны вступают во временные разовые отношения купли-продажи, что обычно характерны для низовой коррупции. Верхушечная коррупция поддерживается институтом посредников, сводящих «покупателей» и «продавцов» коррупционных услуг. Для «восточной

коррупции» характерно образование в стране укорененной системы социальных отношений, переплетение с другими социальными отношениями – родственными, клановыми, корпоративными и т.д., что делает ее системным фактором (Россия-2015).

Предпринимаются и попытки построения «общей классификации» коррупции на основе наиболее общего критерия – сферы реализации коррупционных трансакций в контексте частного и политического рынков институтов¹. Одной из таких попыток является классификация, предложенная Л. Григорьевым и М. Овчинниковым (см. табл. 1) (30).

Многие специалисты рассматривают коррупцию как своего рода налог или пошлину, налагаемую чиновниками. Ее обязательным атрибутом является секретность, стремление участников коррупционной деятельности завуалировать акт коррупции, по возможности подведя под него какое-либо юридическое обоснование. В результате «чиновничьи» налоги, в отличие от официальных, не только не приносят дохода в государственную казну, но и предполагают более высокие трансакционные издержки. В совершаемых коррупционных действиях, как правило, нет прямых «жертв» и «свидетелей». Соглашения, достигнутые в результате коррупционной сделки, естественно, не подлежат рассмотрению суда. Каждый чиновник, которому была заплачена определенная сумма или оказана та или иная услуга, может в любой момент отказаться от своей части сделки или же потребовать дополнительных финансовых средств или услуг.

Коррупция – это активное взаимодействие, по меньшей мере, трех сторон. На макросоциологическом уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой «незримого Другого» (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности (27).

¹ Рынок институтов – это процесс выбора индивидами правил игры в их сообществе. На политическом рынке институтов действия сводятся к изменению существующего институционального устройства (явные институциональные сделки). На частном рынке происходит выбор определенной институциональной формы поведения (неявные институциональные сделки).

Таблица 1 (30)

Типология коррупции

Тип	Субъект		Сфера возникновения и распространения	Добровольность коррупционного обмена	Степень централизации	Уровень неопределенности
	Взяточникополучатель	Взяточодатель				
Низовая административная (первый вид)	Работник бюджетной сферы. Рядовой чиновник*	Граждане		Добровольный, недобровольный обмен	Менее централизованная	Высокий
Низовая административная (второй вид)	Рядовой чиновник *	Бизнесмены	Частный рынок институтов			
Верховая административная	Местные и федеральные чиновники руководящих должностей*	Бизнесмены, местные и региональные чиновники		Недобровольный обмен (business capture)	Более централизованная	
Коррупция с «захватом государства» (верховая коррупция)	Элементы политической элиты **	Бизнесмены, региональные и федеральные чиновники руководящих должностей	Политический рынок институтов	Добровольный обмен	Более централизованная	Низкий

* Следует допускать возможность передачи части коррупционных доходов как вверх, так и вниз по административной лестнице. В первом случае обеспечивается лояльность руководства, во втором координация коррупционной трансакции и молчание.

** Возможная продажа должностей («кормление») цементирует систему коррупционных отношений.

Коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач и т.д.). Главным стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли (ренты), связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания. Этой болезнью болеют как отдельные граждане, так и целые подконтрольные государству системы (33, с. 27).

Большинство специалистов признают общественную опасность коррупции: она угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, стабильности демократических институтов и моральным устоям общества, искажает действия конкурентных механизмов, оказывает влияние на экономический рост в результате неэффективного перераспределения ресурсов. Снижается эффективность принятия управленческих решений и государственной политики в целом. Коррупционные платежи предполагают смещение границы нормативной прибыльности бизнес-проекта вверх для выплаты скрытых рент. Внешне это проявляется в отказе от менее рентабельных и долгосрочных проектов в пользу более краткосрочных с быстрой отдачей. В целом суммарное воздействие коррупции выражается в занижении нормы накопления, что вряд ли совместимо с задачами повышения темпов экономического роста и модернизации страны. Взаимосвязь типов коррупции, предмета коррупционных трансакций и экономического эффекта представлена в табл. 2 (30).

Коррупция, как глобальное социальное явление, постоянно развивается, приобретая новые черты и особенности. Для современной коррупции характерны следующие тенденции: политизация (перемещение во властные структуры); экспансия (случайные коррупционные связи становятся все более устойчивыми и в итоге трансформируются в мощные коррупционные сети); интернационализация и глобализация (денежные потоки, связанные с коррупционными сделками, все в меньшей степени поддаются контролю со стороны национальных правоохранительных органов)¹; расши-

¹ Руководство немецкой компании «Daimler» призналось в даче взяток государственным чиновникам в 22 странах, в том числе в России. Министерство юстиции США предъявило автопроизводителю обвинение в даче взяток на общую сумму 56 млн. долл. для получения крупных государственных заказов. Что касается

рение сферы легализации коррупции (придание видимости законности коррупционным сделкам). Расширяется и спектр разнообразных способов взяточничества и их маскировки (25, с. 134).

Традиционно подходы к исследованию коррупции делятся по научно-отраслевому признаку (правовой, экономический, социологический и т.д.), т.е. коррупция является объектом изучения различных общественных наук, применяющих различный инструментарий и использующих собственный понятийный аппарат. «Именно поэтому существующий сегодня анализ коррупции напоминает калейдоскоп, каждый поворот которого открывает свою картинку коррупции, при этом часто распадающуюся на отдельные фрагменты» (51, с. 6). Вместе с тем необходимо отметить все более широкое распространение междисциплинарного подхода к исследованию коррупции.

Остановимся на некоторых отраслевых подходах к анализу коррупции. Экономическая наука, обратившаяся к исследованию коррупции в конце 1960-х годов (ранее исследованием этой проблемы занимались преимущественно правоведы), рассматривает коррупцию с точки зрения ее воздействия на процесс аллокации ресурсов. При этом экономисты исходят из предпосылки о рациональном поведении участников коррупционной сделки (т.е. решение дать или принять взятку опирается на расчет затрат и выгод).

Одним из основных инструментов экономического анализа коррупции является модель «принципал-агент-клиент» (отношения поручения), в которой в качестве принципала выступает государство (или общество), в качестве агента – государственный служащий, выполняющий волю принципала, и в качестве клиента – физические или юридические лица. Деятельность агента, обладающего дискреционной властью, плохо поддается контролю принципала, не обладающего всей полнотой информации о действиях агента, поэтому, когда интересы агента и принципала не совпадают, агент может пожертвовать интересами последнего в угоду собственным (см.: 2; 13; 40; 51 и др.).

России, то речь идет о нарушениях, совершенных с 1998 по 2008 г. немецким экспортным подразделением концерна Daimler Export and Trade Finance GmbH и российским ЗАО «Мерседес-Бенц Рус».

Министерство юстиции США полагает, что представители этих двух организаций дарили госслужащим дорогие подарки или просто переводили на их счета крупные суммы денег. «Это делалось с помощью офшорных банковских счетов, третьих лиц и вводящей в заблуждение ценовой политики. Эти организации воспринимали подкуп как способ ведения бизнеса», – говорится в заявлении министерства. По документам деньги проходили как скидки или комиссионные платежи (55).

Таблица 2 (30)

**Предмет коррупционной трансакции,
релевантные и общие эффекты**

Типы коррупции	Основание	Релевантный эффект	Общий эффект
Низовая административная (первый вид)	Услуга; ускорение законного решения. Обход санкций за нарушение законодательства	Перераспределение личных доходов, вытеснение индивидов с низкими доходами из потребления государственных услуг, снижение их качества, социальные конфликты	
Низовая административная (второй вид)	Административные барьеры	Перераспределение прибылей в личный доход (вычет из инвестиций), повышение уровня неопределенности. Воспроизведение ошибок первого и второго рода, снижение качества регулирования. Создание спроса на «захват государства»	Ухудшение состояния институциональной среды функционирования бизнеса, создание и воспроизведение инфраструктурных ограничений.
Верховая административная	Распределение государственных расходов, захват частных активов чиновниками	Переход бюджетных средств в руки фирм, искажение структуры государственных расходов в пользу высокозатратных проектов в ущерб улучшению поддержания существующей инфраструктуры, снижение эффективности государственных текущих и инвестиционных расходов, снижение качества реформы государственного сектора	Рост неопределенности, связанный с непредсказуемым изменением правил игры, а также отсутствием механизма координации и защиты коррупционных трансакций. Ухудшение качества государственного управления. Снижение доверия общества к государству
Коррупция с «захватом государства» (верховая коррупция)	Перераспределительные преимущества	Перераспределение власти, расходных полномочий, смещение целей управления в пользу интересов узкой группы, создание благоприятных условий для развития административной коррупции (ухудшение качества защиты прав собственности и контрактов, рост административных барьеров)	

Эта модель используется при анализе коррупции сторонниками различных экономических теорий. Так, теории прав собственности используют ее (коррумпированный агент на основе отношений поручения продает права, которыми он фактически, но незаконно владеет) при трактовке коррупции как нелегального и гибкого средства перераспределения или присвоения прав собственности (51, с. 35).

Приверженцы теории общественного выбора строят модели коррупции, опираясь как на теории поиска ренты, под которой понимается непроизводительная деятельность, основанная на «расходе редких ресурсов ради получения искусственно созданного трансфера» (13, с. 36), так и на модель «принципал-агент-клиент». Рассматривая коррупцию как особую форму ренты, они объясняют неблаговидные действия индивида его стремлением к достижению единственной цели – максимизации благосостояния в мире ограниченных ресурсов за счет получения выгоды от вмешательства государства в экономику (введение различных ограничений, регулирующих и контролирующих правил). При этом ни моральные соображения, ни общественное давление не оказывают на его поведение никакого влияния, единственным сдерживающим фактором является страх наказания (51, с. 36). В этой трактовке коррупция представляет один из «провалов» государства, т.е. следствие его неспособности обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов.

Представители неоклассической школы исходят из того, что коррупция служит рациональным способом оптимизации издержек, а разные агенты используют различные виды капитала: политический, административный, экономический. Целью коррупционных сделок является не только получение материальной выгоды, но и переизбрание на выборную должность, сохранение места в административной иерархии, новые деловые возможности (2, с. 37). Однако все традиционные неоклассические модели коррупции не учитывают влияния систем доминирования и легитимации, кодексов, обычая, жизненных кредо и групповых идеологий на процесс воспроизведения экономического общества. В этом плане оппонентами неоклассиков выступают экономисты-институционалисты, экономсоциологи, социальные антропологи.

С институциональной точки зрения коррупция является разновидностью оппортунистического поведения чиновника, возникающей вследствие высокого уровня асимметрии информации между

гражданами (принципалами) и чиновниками (агентами) (30). Выбор коррупции как формы экономического поведения осуществляется из совокупности имеющихся легальных и нелегальных вариантов, определяемых сформировавшимися в обществе институтами, т.е. «правилами игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданными человеком ограничительными рамками, организующими взаимоотношения между людьми (29, с. 17). Таким образом, коррупционная деятельность возникает и воспроизводится в конкретных условиях в конкретной институциональной среде. Включенность коррупции в экономические и социальные институты воздействует как на сложившиеся институты, так и на возможные направления и скорость их изменения.

Разнообразие факторов, влияющих на процесс формирования институтов (норм), в частности коррупции, В. Полтерович разделяет на три группы: фундаментальные, организационные и социетальные. К фундаментальным факторам относятся ресурсно-технологические возможности и макроэкономические характеристики системы, к организационным – действующие законы и инструкции, к социетальным – исторически обусловленные сложившиеся стереотипы социального взаимодействия, нормы бюрократического поведения (40, с. 31–32; 37, с. 6).

Превращение коррупции в норму в бюрократической системе зависит от таких фундаментальных факторов, как зарплата бюрократов и других членов общества, системы контроля и наказания за коррупцию (организационные факторы), готовность коллег и клиентов сотрудничать при вымогательстве и даче взяток, либо, напротив, противодействовать коррупции (социетальные факторы) (37, с. 6).

Экономсоциологи изучают коррупцию с позиций участников коррупционного процесса, не ограничивая их поведение рамками рациональности и с учетом исторических и культурных условий (2, с. 38). Они исходят из того, что масштабы коррупции определяются не калькулируемой рациональностью индивида, а идеологическими установками и социальными нормами, сложившимися в обществе. Оценка одних и тех же явлений, их восприятие в обществе на разных этапах истории могут быть различными. Отношение общественного мнения к коррупции также меняется от страны к стране и от культуры к культуре. Существуют различия, даже разрыв, и в восприятии коррупции общественным мнением в целом и элитами в частности.

В последние годы в России начал развиваться социально-антропологический подход, хорошо известный на Западе, но пока не распространенный в нашей стране. Сторонники этого направления, изучая оценку самими индивидами повседневных социальных практик, показывают, что представления о коррупции различаются в зависимости от социального и культурного контекста. Логика бюрократической организации в не-западных странах может совершенно не соответствовать доминирующей социокультурной логике. Более того, смешение логик и разнородных правил приводит к образованию противоречивых конфликтогенных норм (5, с. 57–59).

Таким образом, антропологический подход в изучении коррупции, рассматривающий социальные феномены в контексте того общества, где они имеют место с учетом присущих данному обществу представлений и интерпретаций, позволяет расширить представление об этом феномене, выйти за рамки узкого идеологизированного дискурса, доминирующего сегодня в дискуссиях о коррупции (5, с. 6).

Причины коррупции в современной России

Как показывают многочисленные исследования, коррупция в каждой стране порождается сложной системой взаимосвязанных факторов, за счет действия которых она приобретает определенные национальные особенности.

Прежде всего, не стоит забывать, что коррупция в России (как, впрочем, и в других странах) имеет свои исторические корни.

Зарождение «легальной» коррупции в России относится к IX–X вв., когда возникает институт «кормления»: отдельные должностные лица не получали денежное содержание из государственной казны, их должно было полностью содержать местное население. Несмотря на то что эта система была в основном ликвидирована в период правления Ивана Грозного в ходе земской реформы 1555–1556 гг., многие ее традиции в деятельности местных органов власти сохранились на долгие годы.

Кормление трансформировалось в лихоимство (подкуп за действия, нарушающие законодательство) и мздоимство (за действия без нарушения закона). К XV в. лихоимство и мздоимство уже образовывали систему взяточничества, коррупции. Первым законом, определившим наказание судей за взятку, явился «Судебник» 1497 г., который запрещал лицам, участвовавшим в процессе, да-

вать «посул» судьям и приставам. С XVI в. известно и новое проявление взяточничества – вымогательство.

Хотя взяточничество вызывало недовольство населения, массовых выступлений и протестов именно по этому поводу практически не было. Известен всего один такой эпизод, относящийся ко времени правления царя Алексея Михайловича (бунт 1648 г. в Москве), в результате которого значительная часть города была сожжена, а царь вынужден был приказать казнить наиболее одиозных взяточников (1, с. 46).

Массовым явлением коррупция в России становится к XVIII в. Петр I пытался бороться с ней репрессивными мерами вплоть до смертной казни. Однако ближайший сподвижник Петра – князь А. Меншиков был и крупнейшим коррупционером. Вымогательством, воровством, взятками, шантажом любимец Петра составил огромное по тем временам состояние¹.

В дальнейшем постоянно делались попытки если и не уничтожения, то хотя бы уменьшения масштабов коррупции. Об этом свидетельствуют многочисленные указы Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Александра II, а также создание различных комитетов для изучения причин лихоимства и выработки мер по его искоренению.

Власти в разное время применяли различные наказания для виновных: от небольшого штрафа или снятия с должностей до вечной ссылки с вырыванием ноздрей и отнятием «всего имения» или смертной казни. Тем не менее к началу XX в. взятки и прочие проявления коррупции по-прежнему процветали. Исследователь начала века П. Берлин объясняет это тем, что в России «взяточничество неразрывно сплелось и срослось со всем строем и укладом политической жизни» (цит. по: 6). Продолжавшаяся на протяжении веков параллельная практика борьбы со взяточничеством, с одной стороны, и развращения высших слоев чиновничества с помощью щедрой раздачи даров «прислужившимся» – с другой, способствовала закладыванию психологических основ взяточничества и казнокрадства. В этих условиях многие жители России веками ориентировались в своем стремлении к благосостоянию не на собственность, а

¹ И в европейских странах еще в середине XIX в. государственная должность рассматривалась как частная собственность, приносившая значительную прибыль, что не считалось коррупцией (5, с. 18). Этические, организационные и политico-правовые основы толкования коррупции в современном понимании начали формироваться только в конце XIX в.

на власть. Именно власть предоставляла в пользование и распоряжение собственность, допускала к «кормушке» и лишала ее.

Взяточничество и казнокрадство были тесно связаны с политической благонадежностью. На эти преступления власть смотрела сквозь пальцы в обмен на политическую лояльность. «Веками формировавшаяся наследственная идеология чиновников привела к тому, что они уже, наверное, на генетическом уровне понимали: в определенных пределах правительство позволяет им пользоваться своим должностным положением, “кормиться у дел”, тем самым дает дополнительный заработок; главное, оставаться верным трону» (цит. по: 1, с. 48).

В советский период понятие коррупции как таковое отсутствовало. Коррупция сводилась к взяточничеству, которое считалось пережитком прежнего режима. Тем не менее советское общество было глубоко коррумпировано, как с точки зрения функционирования политической и экономической систем, так и в плане девальвации моральных и гражданских ценностей. Дефицит товаров и закрытость общества давали чиновникам огромную власть. Советская номенклатура активно злоупотребляла своим статусом для получения привилегий и доступа к товарам и услугам, запретным для остального населения. Клиентские отношения выражались чаще всего не в денежной форме, а в обмене товарами или услугами. Личные связи пронизывали все уровни экономики, все республики и области СССР.

Поскольку отсутствие частной собственности серьезно ограничивало возможности личного обогащения, коррупция в СССР приобрела специфические черты, которые до сих пор отражаются на менталитете россиян. Главная ценность состояла не в накоплении имущества, а во власти. Аппаратчики защищали свое место в системе и устранили из нее «чужих». Таким образом, клиентелизм был основной чертой советского политического и административного аппарата. И в современной России патронаж остается мощным инструментом в руках руководства – как в центре, так и на местах. И в новых условиях конкуренции для захвата рынка или получения того или иного разрешения недостаточно денег – не менее важно быть членом сети, принимать правила «патронажа» (17).

Фактором, потенциально предопределяющим коррупцию в России, является, как это ни парадоксально, обеспеченность страны природными ресурсами, которая, с одной стороны, служит базой для экономического развития и может способствовать снижению кор-

рупции, а с другой – провоцирует рентоориентированное поведение лиц, желающих получить доступ к природным ресурсам (15, с. 24).

Выявлена следующая закономерность – чем выше в экономике доля сырьевых отраслей, тем выше коррупция, и наоборот. Интегральный показатель экономического потенциала в развитых странах на 64% формируется за счет человеческого капитала и на 20% – сырьевых ресурсов. В России все наоборот: 72% – сырьевой фактор и лишь 14% – человеческий капитал (25, с.137). Отечественные олигархи во многом стали таковыми за счет, по существу, бесплатной и безнаказанной эксплуатации природных ресурсов и присвоения природной ренты. Кроме того, спецификой России с ее явно сырьевым перекосом экономики является неконтролируемое обращение дополнительных денежных масс, связанных с высокими ценами на энергоносители на мировом рынке, что в свою очередь укрепляет теневой сектор экономики.

Основным специфическим фактором, определяющим характер развития коррупционных отношений в современной России, является деформация государственной сферы в период перехода к рыночным отношениям. Быстрое и беспорядочное изменение «правил игры» в процессе выхода из советской системы, «номенклатурная» приватизация крупных предприятий и другой государственной собственности, выгоды от которой получили люди, поддерживающие друг с другом дружеские или деловые отношения еще с советских времен, привели к росту коррупции (такой рост наблюдался в переходный период и в других постсоциалистических странах).

Рассматривая взаимодействие власти и бизнеса в процессе реформирования экономики, экономисты Всемирного банка Дж. Хэллман, Дж. Джонс и Д. Кауфманн выделили три типа коррупции: «захват государства», влияние на государство и административная коррупция (27).

Под «захватом государства» понимается воздействие на формирование основных правил игры (т.е. законов, положений, правил и инструкций) с помощью незаконных и «непрозрачных» частных платежей государственным должностным лицам. Влияние – это способность фирмы воздействовать на формирование правил игры без подкупа должностных лиц (благодаря таким факторам, как размер фирмы, ее значение для национальной или региональной экономики, доля государства в пакете акций и продолжительность отношений с государственными чиновниками). Администра-

тивная коррупция выражается во взятках государственным должностным лицам не для введения новых правил, а для обеспечения искаженного применения действующих правил, законов или ограничений, наложенных на деятельность фирмы государством.

«Захват государства» достиг значительных масштабов в странах, где отсутствовали достаточные гарантии прав собственности и сдерживались процессы экономической либерализации. К этой стратегии прибегали в основном фирмы, созданные после начала рыночных реформ, стремившиеся с помощью подкупа компенсировать слабости нормативной базы своей деятельности, подкрепить свои права собственности, недостаточно обеспеченные государством. На стратегию влияния опирались либо приватизированные, либо оставшиеся в государственной собственности предприятия, сохранившие устойчивые связи со структурами с надежными правами собственности (27).

Основным источником коррупционных платежей служила теневая экономика, получившая широкое распространение во всех сферах хозяйственной деятельности: неучтенными (и не учитываемыми) деньгами очень просто распоряжаться. Поэтому, отмечает Ю.Г. Наумов, можно с уверенностью утверждать, что доля теневой экономики в экономике прямо определяет и уровень коррупции (25, с. 137).

В этой связи ряд специалистов рассматривают коррупцию как болезнь государственной власти, показатель плохого управления, «силу трения», которую приходится преодолевать обществу при решении поставленных им задач, как «энтропию» общественной системы, т.е. меру внутренней неупорядоченности, меру неопределенности. При этом частные проявления коррупции выступают индикаторами неэффективности в конкретных сферах регулирования, в конкретных зонах взаимоотношений, точках соприкосновения между властью и обществом (44).

Такими точками являются в частности несовершенство законодательства и системы регламентации деятельности чиновников, неэффективность организации системы управления; неправильная постановка задач; неверное определение функций государственной власти (в первую очередь исполнительной); исполнение государством избыточных функций (43, с. 2).

О запутанности и противоречивости российского законодательства написано и пишется очень много. Напомним хотя бы о том, как совсем недавно выяснилось, что в соответствии с Тамо-

женным кодексом рыбу, выловленную в российской экономической зоне, необходимо растаможивать в российском же порту (что мешает развитию рыбной отрасли) (46, с. 7). Это свидетельствует не только об отсутствии согласованности в действиях органов исполнительной власти, но и единой цели этих действий и в целом о неэффективности управления. Власти часто сами устанавливают такие правила, которые стимулируют поиск вариантов их обхода. Иначе говоря, «издержки выполнения закона» значительно превышают «издержки его нарушения».

Одновременно затягивается принятие многих действительно необходимых для борьбы с коррупцией законов, как в свое время было с ФЗ «О противодействии коррупции»¹. До сих пор не принят Закон «О лоббировании», который должен создать правовое поле для исключения коррупционных схем продвижения законопроектов, обеспечивающих тем или иным структурам материальные и иные преимущества, но противоречащих интересам общества и государства².

Большие возможности для безнаказанной коррупции создает отсутствие ответственности власти за принимаемые решения. В российских законах, включая Конституцию РФ, наделяющих исполнительную власть множеством функций, нигде не упоминается функция «ответственности» – и вообще достижения цели – власть лишь «вырабатывает политику» и «контролирует» других субъектов процесса (43, с. 2).

¹ Работа над антикоррупционным законом оказалась весьма длительной. Первая его версия вышла в 1992 г. под названием ФЗ «О борьбе с коррупцией». Этот закон действовал почти 10 лет. Но вместе со сменой дальнейшего курса развития России появилась необходимость в его обновлении. Новый проект ФЗ «О противодействии коррупции» поступил на рассмотрение в Госдуму в ноябре 2001 г., а принят был лишь в декабре 2008 г. Невольно возникает вопрос: кому это выгодно?

² Лоббирование по сравнению с коррупцией имеет более «общий» характер: в случае успешного лоббирования всем существующим и будущим участникам определенного рынка удается избежать введения невыгодных для них правил, тогда как в случае коррупционной сделки выгоду получает лишь одна конкретная фирма. Кроме того, в случае лоббирования, принятое властями решение в пользу лоббистов имеет более долговременный характер. Государству намного труднее принять вновь заблокированный лоббистами закон, а в случае коррупционной сделки чиновник, которому заплатили один раз за какую-либо услугу, может снова попросить или даже потребовать взятку.

Вспомним в связи с этим хотя бы о проблемах нехватки мест в детских садах (в 1990-е годы во времена демографической ямы многие здания, в которых они размещались, власти продали коммерческим структурам, передали другим организациям, руководствуясь своими сиюминутными интересами), точечной застройки, уничтожения или «реконструкции» архитектурных памятников в Москве, решения о которых власти принимали, исходя из интересов инвесторов (точнее, своих собственных), но отнюдь не населения.

С феноменом безответственности власти тесно связаны и проблемы прозрачности властных решений и общественного контроля за их принятием и реализацией. Отсутствие прозрачности, скрытость властных отношений и принимаемых решений – не просто благоприятное условие или благоприятный фон для коррупции, а ее самостоятельная причина (25, с. 136).

Такие факторы коррупции, как недоверие граждан к государственной власти и отсутствие системы защиты граждан от ее злоупотреблений, также в немалой степени поддерживаются безответственностью государства.

По данным Левада-Центра, более 1/5 жителей страны полагают, что федеральное правительство «коррумпировано», действует в первую очередь в своих собственных интересах». В ноябре 2008 г. доля высказавших соответствующую точку зрения составила 23% и не изменилась по сравнению с ноябрем 2006 г. Аналогичные результаты были получены в том же году Фондом изучения общественного мнения (ФОМ). Опрос показал, что властям/руководству/ администрации регионов доверяют лишь 36% россиян, в то время как не доверяют 51%. Еще ниже оказался уровень доверия респондентов к властям/руководству/администрации городов (поселков, сел), в которых они проживают: этим властным структурам доверяют 32% опрошенных, а не доверяют 45%. Крайне низким оказался уровень доверия к силовым и правоохранительным структурам в регионах: соотношение (в %) между доверяющими и не доверяющими судам составило 29:40, милиции, правоохранительным органам, прокуратуре – 27:55 и ГИБДД – 23:51 (50, с. 123).

Парадоксальность российской коррупции, отмечает С. Кордонский, состоит в том, что она становится системой действий членов гражданского общества, которая позволяет им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилам и законам и использует для удовлетворения своих потребностей чиновников. Последние, являясь такими же членами гражданского обще-

ства, пользуются служебными возможностями для удовлетворения собственных потребностей.

Государство пытается нейтрализовать коррупцию, создавая различные организации, призванные с ней бороться, в том числе и организации гражданского общества. Однако если через эти организации можно «решать проблемы», они очень быстро превращаются в конторы, которые плодят коррупцию. А если проблемы в них решать нельзя, то и значение этих организаций нулевое. Борясь с коррупцией, государство, считает С. Кордонский, по сути, борется с гражданским обществом. И наоборот, избирательно поддерживая организации гражданского общества, государство плодит коррупцию (14).

Одной из причин коррупции специалисты считают включение государственных структур и политической элиты в отношения собственности и механизмы распределения капиталов и товарно-денежных потоков, в то время как государство должно только устанавливать правила игры на рынке, не становясь его обычным участником, преследующим индивидуальный интерес (43, с. 2; 25, с. 136). Таким образом, государство само порождает коррупцию.

Хотя многие специалисты к факторам коррупции относят низкую зарплату чиновников, влияние этого фактора на уровень коррупции, учитывая статистические данные о соотношении средних зарплат государственных служащих и остальных граждан, представляется довольно спорным.

По данным Росстата, в докризисный период зарплаты государственных служащих в России росли высокими темпами – за 2000–2009 гг. зарплата чиновников увеличилась в 10 раз. В то же время увеличивался разрыв между средними зарплатами в России и доходами чиновников. В 2000 г. средний оклад в госорганах составлял 2712,1 руб., в то время как по стране – 2223,4 руб. в месяц. По итогам 2009 г. в региональных органах власти зарплата выросла по сравнению с 2008 г. на 4,4% и достигла 34,4 тыс. руб., тогда как средняя номинальная зарплата по стране составила около 18,8 тыс. руб., т.е. сократилась на 2,8% (54). Однако, как показывает практика, в этот период коррупция в стране не сокращалась, а росла. Таким образом, четкая причинно-следственная связь между коррупцией и низкой зарплатой чиновников не прослеживается. Сходные результаты выявлены и в других странах, хотя международные организации упорно рекомендуют повышать зарплату чиновников для снижения коррупции. Тем не менее высокая зарплата скорее делает чиновников не более честными, а более «дорогими», т.е. поднимает цену взятки (9, с. 14).

Живучесть коррупционных отношений во многом объясняется двойственностью общественного сознания, в котором присутствуют две взаимосвязанные социальные установки: коррупционная зависимость, при которой коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут образа жизни в России, и коррупционная готовность, означающая психологическую установку на решение различных проблем с помощью подкупа. Восприятие коррупции как «социальной нормы» в свою очередь формирует психологическую готовность давать взятки и брать их. По данным социологических опросов, 30% респондентов одобряют тех, кто берет взятки, а 54% – тех, кто их дает (28). Многие граждане смирились и не воспринимают коррупцию как какое-то серьезное зло: оно стало чем-то обыденным, привычным, само собой разумеющимся; бытует мнение, что если даже поменять всех чиновников на других, ситуация практически не изменится. Пройдя путь «коррупционной социализации» и будучи твердо уверенным, что только с помощью взятки его проблема будет решена, человек, ощущая стыд (18% респондентов), унижение (17%) и даже негодование (около 20%), все-таки идет на сделку с совестью; лишь 11,5% вступивших в коррупционные связи никаких угрызений не испытывают, правда, около 5% из числа тех, кто давал взятки, испытывали страх (33, с. 30).

По данным Центра региональной социологии Института социологии РАН, проводившего в 2007 г. опрос, специально посвященный отражению проблем коррупции и борьбы с нею в сознании россиян, они осуждают, прежде всего, коррупцию среди высших должностных лиц (злоупотребления высокопоставленных политиков и бюрократов), но относительно терпимо относятся к низовой коррупции. Объективно это стимулирует высокий уровень развития последней, поскольку низовая коррупция является питательной почвой для развития верхушечной. В то же время массовое сознание россиян недооценивает негативные последствия коррупции: в преимущественно негативном ее эффекте убеждены лишь 2/5 граждан, треть россиян считают коррупцию явлением с нулевым эффектом, а 15% полагают, что коррупция в целом даже приносит пользу (32).

Коррупция, как и любое другое социальное явление, создает условия для собственного воспроизведения, за счет, во-первых, роста численности бюрократического аппарата; во-вторых, превращения коррупции в норму поведения в чиновничьей среде. В 1995–2006 гг. количество чиновников в России выросло почти в

1,5 раза, достигнув 1577,2 тыс. человек (50, с. 118). При этом результативность их деятельности, оцениваемая по произведенному ВВП, оказалась одной из самых низких среди 19 европейских стран. По своему абсолютному значению она составила всего 51,5% среднего невзвешенного значения показателя по этим странам (606,7 тыс. евро в расчете на одного руководителя и законодателя) (50, с. 123).

В коррупционной системе практически нельзя получить должность, связанную с использованием публичных возможностей, не входя в систему круговой поруки (25, с. 135). Как и в прошлом, власть покупает чиновника возможностью жить на не совсем легальный доход. Безусловно, есть огромное число абсолютно честных и порядочных чиновников, но существует негласное правило игры: «химичить» можно в определенных пределах в обмен на лояльность (почему никто не считает расходы). В результате российское чиновничество в настоящее время представляет собой изолированную от общества группу, которая развивается по своим собственным законам и не может рассматриваться в качестве нанятых обществом работников для выполнения функций государственного управления. До формирования веберовской «рациональной бюрократии» России предстоит проделать немалый исторический путь (50, с. 124, 132).

Масштабы и особенности проявления коррупции в современной России

Исследованиями уровня коррупции занимаются многие международные, а также российские организации. Одним из наиболее популярных сравнительных рейтингов коррупции является индекс восприятия коррупции (ИВК), рассчитываемый ТИ¹. В 2007 г. Россия

¹ Некоторые российские специалисты указывают на то, что различные межстрановые рейтинги индексов коррупции являются примером «отчетливого игнорирования исторического и социального контекста коррупционных взаимодействий». Согласно этим рейтингам, наименее коррумпированными являются развитые страны Запада, а в «отстающих» оказываются развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, включая Россию. «Смысль этих рейтингов состоит в формировании идеологемы западного законопослушания методом сравнения с коррумпированным, варварским не-Западом», хотя их составители преследуют вполне прагматичные цели – протестировать мир на предмет надежности инвестиций (2, с. 40).

занимала в нем 143-е место из 180 стран (ИВК – 2,3 балла). В 2008 г. она опустилась на 147-е место с ИВК 2,1 балла (что аналогично 2000 г., хотя тогда страна находилась на 82-м месте в мире). В 2009 г. Россия переместилась на 146-е место (ИВК – 2,2 балла). Самый высокий рейтинг за период 1996–2009 гг. был у России в 2004 г. (2,8)¹, относительно высокие рейтинги зафиксированы также в 2002–2003 и в 1996 г. (2,7 и 2,58 соответственно) (60).

Эти данные свидетельствуют о том, что особых изменений в масштабах коррупции в России в последние годы не наблюдается. При оценочной шкале от 1 до 10 и изменении числа изучаемых стран (от 158 в 2005 г. до 180 в 2008 г.) колебания в несколько десятых трудно считать принципиальными изменениями. Таким образом, начиная с середины 1990-х годов Россия последовательно оценивается внешними наблюдателями как страна с высоким уровнем коррупции.

По различным оценкам, экономический ущерб от коррупции достигает 20–40 млрд. руб. в год (31). В целом масштабы отечественной коррупции оцениваются Генеральной прокуратурой в 240 млрд. долл. (20, с. 110), а по оценкам Фонда ИНДЕМ только объем деловой коррупции вырос в 2001–2005 гг. с 33 до 316 млрд. долл., а средний размер взятки – с 10,2 до 135,8 тыс. долл. (47, с. 6). Согласно данным «PricewaterhouseCoopers», 71% российских и иностранных компаний, работающих в стране, стали в 2008 г. жертвами «экономических преступлений», что вдвое превышает средний уровень остальных стран БРИК – Бразилии, Индии и Китая – и на 12% больше, чем показало исследование 2007 г. (18).

По данным Г. Сатарова, в 2005 г. доля коррупционных сделок, приходящихся на каждую ветвь власти, от общего числа таких сделок составляла: законодательная власть – 7,1%, исполнительная – 87,4, судебная – 5,5%. Это, по его мнению, свидетельствует и о фактическом уничтожении разделения властей, и об униженном положении двух ветвей власти, встроенных в вертикаль исполнительной власти, и о предельной зарегулированности экономики (48).

¹ Любопытные данные о связи динамики ИВК со среднегодовыми ценами на нефть приводит главный экономист ИК «Тройка Диалог» Е.Гавриленко, отмечающий, что наименьший уровень коррупции был зафиксирован в России в 2004 г., когда цена на нефть составляла 34,18 долл. за баррель. Наихудший ИВК Россия получила в 2008 г. при среднегодовой цене нефти в 95,1 долл. за баррель (23). Однако ИВК России за 2009 г., когда цены на нефть значительно упали, остался практически неизменным.

С точки зрения бизнеса наиболее коррумпированными ведомствами в России являются государственные учреждения, занимающиеся выдачей различных лицензий и выделением квот, бюджетными трансфертами, обслуживанием бюджетных счетов, зачетом долгов, государственными закупками, регистрацией коммерческих организаций, проведением земельной реформы и т.д. Только в 2006–2007 гг. из государственных закупок на общую сумму в 4 трлн. руб. «украден каждый четвертый рубль, т.е. потери от воровства достигают 1 трлн. руб., что составляет порядка 40 млн. долл.» (цит. по: 20, с. 110).

Растет и коррупция на бытовом уровне. По данным доклада ТИ «Глобальный барометр коррупции в 2009 году»¹, в России количество людей, в течение последнего календарного года хотя бы раз дававших взятку, выросло с 17% в 2007 г. до 31% в 2009 г.² (57, с. 24; 58, с. 32). Практически такие же данные дают опросы ФОМ, согласно которым около 30% граждан России осознают, что за последний год принимали участие в коррупционных действиях (28).

Отвечая на вопрос о степени коррумпированности различных институтов, россияне признали наиболее коррумпированными органы государственной власти и местного самоуправления, поставив им оценку 4,5 по пятибалльной шкале (5 баллов – чрезвычайно высокий уровень коррупции) (58, с. 29). По данным ТИ, в России (как, впрочем, и в других странах) лидерами низовой коррупции являются правоохранительные органы, сферы здравоохранения, образования, регистрирующие органы, суды. Эти данные совпадают с оценками российских специалистов. Результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в 2008 г., показали, что наиболее коррумпированными сферами и институтами общества россияне считают ГИБДД (33%), власть на местах (28%), милицию (26%). За ними следуют «все об-

¹ Фактически это исследование – всемирный опрос общественного мнения, выясняющий, как люди воспринимают коррупцию в своих странах. Данный опрос проводился в 69 странах, в нем участвовало более 73 тыс. человек (58, с. 2).

² Для сравнения: по данным ТИ, в среднем лишь 5% жителей европейских стран давали взятку в течение прошедшего года, чтобы решить личную проблему или получить услугу. Однако если говорить о конкретных странах ЕС, то тут разброс по этому показателю довольно значителен. Первые места по уровню бытовой коррупции занимают Литва (30% взяткодателей), Греция (18%), Румыния и Чехия (по 14%). В то же время в странах «старой Европы» уровень бытового взяточничества составляет 1–2% (58, с. 32).

щество в целом» (23%), «сфера медицины» (16%) и «образование» (15%)¹, федеральная власть и судебная система (по 15%) (12, с. 8).

По признанию главы Верховного суда РФ В. Лебедева, самыми коррумпированными по итогам приговоров 2008 г. являлись сотрудники милиции, врачи и преподаватели. В 2008 г. в правоохранительные органы поступило около 38,5 тыс. заявлений о преступлениях коррупционного характера, более 30 тыс. дел были направлены в суд (11). В основном речь идет о мелких взятках, сумма которых не превышает 1 тыс. долл. В 2009 г. в судах за получение взяток было осуждено 2300 человек. Причем в 38% случаев сумма взятки не превышала 500 руб., в 29% – составляла 500–3000 руб., и лишь в 1,5% случаев размер взятки превышал 1 млн. руб. (34 приговора) (28).

В 2009 г. следственные органы расследовали более 40 тыс. преступлений коррупционной направленности, совершенных чиновниками. Всего за минувший год поймано за руку более 8 тыс. чиновников, совершивших преступления против государственной власти, интересов службы. Уголовные дела о 16 тыс. преступлений направлены в суды. Среди основных статей, по которым привлекаются к ответственности чиновники: служебный подлог – около 9 тыс. преступлений, получение взятки – почти 7 тыс., злоупотребление должностными полномочиями – более 5 тыс. фактов, нецелевое расходование бюджетных средств – около 300 (7).

По данным департамента экономической безопасности МВД России, в 2009 г. средний размер взятки в России превысил 23 тыс. руб., хотя в 2008 г. составлял 9 тыс. руб., а в 2009 г. 23 тыс. руб., т.е. увеличился в 2,5 раза (42). Эти данные резко расходятся с приведенными выше данными Г. Сатарова, относящимися к более раннему периоду и к деловой коррупции. Вероятнее всего это связано с тем, что правоохранительные органы ловят в основном мелких взяточников, тогда как крупные остаются в тени. Это подтверждает председатель СКП А. Бастрыкин, указывая на то, что «по-прежнему многие коррупционеры обладают иммунитетом от уголовного преследования, и процедура их привлечения к уголовной ответственности занимает значительное время (от одного до двух

¹ По экспертным оценкам, граждане России тратят 1,5 млрд. долл. на оплату «бесплатных» медицинских услуг (26) и 4 млрд. долл. – на взятки в системе образования (16).

лет), что дает им возможность оказывать давление на участников уголовного процесса (24).

Отечественные специалисты, признавая, что «уровень коррупции в России уже гораздо выше, чем следовало бы иметь при достигнутом показателе ВВП на душу населения» (9, с. 16), подчеркивают ее системный, даже системообразующий, характер. Почему же коррупция так живучая в России?

В начальный период реформирования экономики предполагалось, что коррупция – лишь необходимый и неизбежный этап в истории России на пути к рыночным отношениям, она снизится или исчезнет сама собой по мере формирования важнейших рыночных институтов, демократизации общества и возобновления экономического роста. Однако эти ожидания не оправдались.

В 1990-е годы вымогательства носили хотя и массовый, но децентрализованный характер, чиновники выполняли роль обслуживающего персонала, получая мзду за сделки, о которых договорились участники рынка, или решая их проблемы. Но постепенно начала складываться система вертикальных каналов концентрации коррупционных средств. С конца 1990-х годов, в России происходит процесс централизации коррупции, превращение ее в полулегальную политico-экономическую государственную систему. В сформировавшуюся коррупционную пирамиду свой вклад вносят все уровниластной иерархии. При этом невыполнение обязательств по насыщению вертикальных каналов «откупными» становится несовместимым с пребыванием в системе.

Централизованная коррупция, как правило, превращается в неформальный институт защиты прав собственности. Институциональная коррупция удобнее для бизнеса, чем массовая практика децентрализованных поборов, поскольку сокращаются время и издержки на поиск информации о способах решения проблем. Складываются устойчивые расценки на услуги власти, зависящие от размера ренты, которая может быть присвоена за счет получения нужного решения или потеряна при неполучении этого решения; времени, в течение которого может быть получаема рента; котировки (статуса) места чиновника, получающего оплату за услугу, во властной иерархии (3, с. 7).

Например, размер взятки за рассмотрение документов Центробанком составляет 500 тыс. долл., за перевод бюджетных средств – 5% от суммы перевода, за снижение таможенной пошлины 30–50% от суммы, на которую снижена пошлина, за получение госзаказа

частной компанией – 20% от суммы проекта (12, с. 7). «Видимо поэтому, бизнес, платя все больше, демонстрирует все меньшую склонность к протесту: стабильность системы примиряет с ее неэффективностью» (2, с. 45). Однако президент РСПП А. Шохин считает, что коррупционное предложение обусловлено высокими альтернативными издержками бизнеса по сравнению с трансакционными коррупционными издержками. Если бы это не было выгодно бизнесу, не приносило выигрыша в прибыли, то бизнес «не совал бы конверты» (52).

Фактически отказавшись от провозглашавшегося курса на конкурентный капитализм, власть перешла от сценария олигархического капитализма 1990-х годов к его государственно-корпоративному варианту, для которого характерны участие государства в разных формах в решениях, принимаемых рыночными агентами, что ставит крупные корпорации в зависимость от решений власти, ее проекта развития экономики. При этом такой вариант предусматривает не конструирование институтов конкуренции, а создание формальных и неформальных правил подчинения бизнеса государству («захват бизнеса властью»). Хотя любое государство вынуждено мириться с определенным уровнем коррупции, государственно-корпоративная модель рынка создает значительно больший, чем конкурентный рынок, коррупционный потенциал в результате роста полномочий чиновников в ходе общего усиления роли государства в экономике (2, с. 45–47).

За полтора десятилетия, подводит итог Ю. Латов, российская коррупция эволюционировала от «африканской» (первая половина 1990-х годов) к «азиатской»¹ (вторая половина 1990-х – начало

¹ Азиатская модель: коррупция – привычное и общественно приемлемое культурное и экономическое явление, связанное с функционированием государства. Такая модель порождается тотальным контролем государства над всеми сторонами жизни общества. Плата за решение проблем поступает регулярно и меняется редко, а фирмы могут спокойно вести дела, так как гарантия их спокойствия обеспечена на самом высоком уровне. И должностные лица, и заинтересованные предприниматели знают негласные правила игры и возможные последствия за их нарушения. Таким образом, использующие этот способ фирмы и предприниматели переводят свои переменные коррупционные издержки в разряд постоянных.

Африканская модель: власть продается «на крюк» группе основных экономических кланов, договорившихся между собой, и обеспечивает надежность их существования политическими средствами. При этом преобладает модель переменных издержек коррупции, когда заинтересованные лица решают свои проблемы коррупционным способом по мере их возникновения, обращаясь к «нужным

2000-х годов). По его мнению, с середины 2000-х годов в России начался переход к являющейся продолжением «азиатской модели» «итальянской модели» коррупции, в рамках которой централизованный сбор «пожертвований» осуществляет не государственный аппарат, а политические партии (19).

А. Быстрова и М. Сильвестрос объясняют коррупционность современной России тем, что в странах, осуществляющих системный переход, сочетаются «старые» и «новые» институты и типы поведения. Поскольку страна находится в состоянии продолжительного системного перехода¹, институты, «отвечающие» за переход и соответствующие ему модели поведения, начинают доминировать в системе общественных отношений. Реализация интересов всех господствующих групп осуществляется в обход легально определенных правил и процедур. Более того, это становится обычной практикой. Наблюдаются тенденция сращивания в «единый лоббистский организм» на госкапиталистической основе ведомств и головных отраслевых корпораций, а также «приватизация» формально государственных институтов и превращение клиентарно-организованных частных и частно-корпоративных интересов практически в единственную действенную власть (6).

В. Полтерович также отмечает, что реформы 1990-х годов не учитывали массовую культуру, патернализм большинства населения и незрелость элиты. Реформаторы исходили из неверного противопоставления государства и рынка, не учитывая, что и эффективный рынок, и устойчивая демократия не могут существовать без развитого гражданского общества, без сети институтов саморегулирования. «При их отсутствии законность недостижима, поэтому рыночная свобода ведет к нечестной конкуренции и обогащению немногих, а демократия неизбежно отрицает себя, порождая авторитаризм» (35). Кроме того, решения слишком часто принимались

людям» (чиновникам) для решения своих проблем, выплачивая им за это соответствующее вознаграждение. В таких условиях заинтересованное лицо никогда не знает когда, сколько и кому придется платить (44; 19).

¹ Нельзя не согласиться с авторами, отмечавшими еще в начале 2000-х годов, что Россию, переживающую очередной «приступ» модернизации, можно отнести к числу стран, «стабилизованных в переходном периоде» (наряду с большинством стран Юго-Восточной Азии). По многим сущностным характеристикам она напоминает крупные «страны-материки» Третьего мира, такие как Бразилия и Индия, а своей традицией мощной имперской государственности – Китай (не зря все эти страны позднее оказались объединенными понятием БРИК).

исходя из идеологических, а не прагматических соображений. Нередко во главу угла ставилось не достижение реальной эффективности, а следование принципам экономической свободы, уменьшения роли государства и т.д. Реформы стимулировали перераспределительную, а не производственную активность, при этом трансплантируемые, т.е. заимствуемые из иной институциональной среды, институты не только не прививались, но играли деструктивную роль в новой институциональной обстановке.

Именно существующий подход к трансформации институтов, считает Г. Сатаров, вносит наиболее весомый вклад в распространение коррупции, являющейся неким индикатором неэффективности управления, и ее рост в переходные периоды означает, что трансформация институтов сопровождается увеличением их неэффективности. Причина заключается в том, что трансформация институтов рассматривается как очередной управляемый проект заимствования институтов эффективных государств и перенесения их на почву неэффективных, тогда как в западных странах эффективные институты сформировались не в результате какого-то проекта, а вследствие естественного институционального развития. Институты возникали не как некие замкнутые объекты со своими формальными нормами, они одновременно обрастили многочисленными сопряжениями с другими институтами, неформальными практиками, традициями, особенностями общественного сознания и т.д. В результате эффективность конкретного института определялась не только (а зачастую – не столько) его формальным институциональным дизайном, но и многочисленными сопряжениями (47, с. 8–9).

Более того, в начале реформ вследствие резкого изменения макроэкономических условий, недостаточности государственного контроля, макроэкономической политики, направленной на подавление инфляции «любой ценой», и перераспределения переходной ренты резко возросла дифференциация доходов (индекс Джини с 1991 по 1994 г. увеличился более чем в полтора раза – с 0,26 до 0,41), что привело к формированию неэффективных устойчивых норм поведения – институциональных ловушек. К их числу наряду с бартером, неплатежами, уходом от налогов относится и коррупция. Чем более распространена коррупция, тем меньше вероятность наказания для каждого отдельного коррупционера (т.е. меньше трансакционные издержки, ассоциированные с неэффективной нормой).

В дальнейшем неэффективная норма закрепляется под действием трех механизмов: эффекта обучения (коррупционная деятельность совершенствуется, возникают коррупционные иерархии, развивается технология дачи взятки); эффекта сопряжения (неэффективная норма встраивается в систему других норм, сопрягается с ними; так, коррупция связана с уходом от налогов и лоббированием законов, что еще больше затрудняет борьбу с ней); культурной инерции (коррупция оказывается столь обычной и ожидаемой, что отказ от нее воспринимается как нарушение общепринятого порядка). Под воздействием этих механизмов уменьшаются трансакционные издержки коррупционного поведения и увеличиваются трансформационные издержки перехода к альтернативной норме. Коррупция «устраивает каждого», потому что к ней причастны «все остальные». Система оказывается в равновесии – в коррупционной ловушке. После того как ловушка сформировалась, возврат к начальным (дореформенным) условиям не приведет к ее разрушению: возникает так называемый «эффект гистерезиса», т.е. неспособность **экономической** системы, подвергшейся воздействию извне, вернуться в исходное состояние (38).

Если система с недостаточно развитой политической культурой оказывается в институциональной ловушке, улучшение важнейших институтов невозможно. Например, при повсеместном распространении коррупции индивидуальный отказ от коррупционных стандартов поведения невыгоден агентам, а координация их усилий невозможна из-за неразвитости политической системы и гражданского общества. В то же время неквалифицированная и коррумпированная бюрократия не может и не хочет проводить административную реформу; тем самым консервируются и низкая квалификация чиновников, и коррупционный характер системы (36, с. 7).

Каковы перспективы?

В российском государственном управлении и в правоохранительных органах доминирует правовой подход к борьбе с коррупцией. В публичных заявлениях политиков и государственных деятелей коррупция связывается с совершением преступлений, со взяточничеством, следовательно, с уголовным преследованием и арестами вовлеченных в такие действия должностных лиц. Однако репрессивная стратегия никогда не приносila устойчивого успеха. Конечно, правоохранительная машина должна работать эффективно

и поддерживать в потенциальных коррупционерах ощущение высокого риска наказания. Но одного этого недостаточно. В этом плане показателен опыт Китая: разработанные на его основе математические модели показывают циклический рост коррупции после каждой кампании борьбы с ней (49).

В целом же рецепты ограничения коррупции хорошо известны: восстановление внешнего контроля над бюрократией, т.е. возврат к полноценной политической конкуренции; формирование условий для свободного развития независимых СМИ, включая запрет на их учреждение органами государственного управления; предельная открытость властей; либеральный режим функционирования общественных организаций. Важно восстановить разделение ветвей власти с упором на самостоятельность судебной системы (47, с. 8).

В настоящее время институциональные реформы в России не удаются, поскольку страна находится в сети институциональных ловушек. Поэтому только поддерживая в течение определенного времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, когда трансплантированная «из прошлого» структура подвергается постепенной трансформации по определенному плану (возможно, в сочетании со стратегией «выращивания», т.е. приспособления и совершенствования института в «домашней» институциональной среде), можно улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся (36, с. 24; 39).

Что же сделано и делается в России в этом направлении?

Надо признать, что в последние годы наметились некоторые подвижки в сторону если не устраниния, то сглаживания некоторых дефектов системы.

В 2008 г. был утвержден Национальный план противодействия коррупции и принят Федеральный закон «О противодействии коррупции». Меры, предусмотренные этими нормативными актами (контроль над доходами и имуществом должностных лиц, контроль за конфликтами интересов, антикоррупционная экспертиза нормативных актов, повышение прозрачности функционирования органов власти, совершенствование их системы и структуры, повышение прозрачности и эффективности управления государственным имуществом и ресурсами и т.д.), вписываются в рамки традиционных подходов и носят общий характер. Однако их реализация не привела к улучшению ситуации, поскольку они формулировались

ведомствами, стремящимися либо сохранить текущие возможности изъятия административной ренты, либо создать условия для перераспределения административной ренты в пользу высших звеньев иерархии государственного аппарата (30).

Исходя из соображения о том, что для успешной борьбы с коррупцией необходимо иметь два самостоятельных документа: стратегию и обновляемый каждые два года план в качестве инструмента ее претворения в жизнь, в апреле 2010 г. президент Д. Медведев подписал Указ «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы». Этот документ утвержден в новой по сравнению с 2008 г. редакции.

Эксперты оценивают этот документ неоднозначно. Г. Павловский считает, что разделение документа является в определенном смысле сменой концепции, переходом от популистской кампании, в значительной степени отвечающей на краткосрочные запросы общественного мнения, к серьезной войне против «крыш», в первую очередь квазигосударственных, т.е. самой возмутительной формы коррупции – превращения государственного учреждения в частное. Гораздо больший скепсис в отношении документа проявляет член научного совета Московского центра Карнеги Н. Петров, полагающий, что усилия государства по демонстрации борьбы с коррупцией связаны с вступлением России в Группу государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), одной из рекомендаций которой является официальное закрепление системы мер по противодействию коррупции, состоящей из двух частей (21).

В марте 2009 г. была утверждена федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)», в которую в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции включены дополнительные меры по профилактике коррупции на государственной службе, в частности разработка антикоррупционных стандартов для государственной и муниципальной службы в рамках единой системы запретов и ограничений, введение нового порядка представления государственными служащими сведений о своих доходах и имуществе и аналогичных сведений о членах семьи и т.д. Впервые предполагается проводить мониторинг общественного мнения об эффективности государственной службы (41). Но расходы чиновников по-прежнему контролю не подлежат.

Таким образом, «антикоррупционная» политика пока преимущественно ограничивается созданием «рамок» – принятием и распространением на все новые и новые группы чиновничества (в том числе на силовые элиты) норм, ограничивающих коррупцию (8).

В то же время государство демонстрирует стремление к активному внедрению интернет-технологий, способствующих повышению открытости и прозрачности государственного управления во всех областях. Поскольку компьютеризированные услуги на основе онлайновых технологий позволяют управлять решениями и действиями на расстоянии, деперсонализируют предоставление услуг и практически не оставляют возможностей для передачи взятки или подарка, стандартизируют все правила и процедуры, делая их максимально четкими, все это, как свидетельствует международный опыт, способствует искоренению коррупции.

В 2009 г. правительство обязало федеральные министерства и ведомства проводить через электронные аукционы все свои закупки. Для региональных и муниципальных властей такая обязанность возникнет с 2011 г. Предполагается, что абсолютная конфиденциальность электронных аукционов не позволит поставщикам вступать в сговор между собой, а заказчикам, не знающим, какие компании будут участвовать в аукционе, – оказывать на них какое-либо давление.

Вместе с тем эксперты сомневаются в том, что электронные аукционы смогут эффективно воспрепятствовать коррупции, поскольку пока в них присутствует человеческий фактор, нельзя исключить сговор между поставщиками или между поставщиками и заказчиками (53).

Предполагается, что уровень коррупции удастся снизить по мере реализации запущенного в декабре 2009 г. проекта «электронного правительства». Единый портал услуг должен работать по принципу «одного окна», предоставляя в электронном виде информацию и услуги как на федеральном (госрегистрация индивидуальных предпринимателей и юридических лиц), так и на местном уровне (замена паспорта или прием налоговых деклараций). Сейчас на портале можно найти перечень всех услуг, а также необходимые бланки для заполнения документов и даже попытаться получить заграничный паспорт. Однако эта процедура еще далеко не отработана, и избежать похода в отделение ФМС, очередей и общения с чиновниками не удается. В феврале 2010 г. для ускорения и коорди-

нации усилий органов власти всех уровней в области создания «электронного правительства» была создана правительенная комиссия.

Вслед за президентом чиновники разных рангов выходят в Интернет, создавая онлайн-дневники и блоги, однако, по мнению комментаторов, делается это вовсе не для того, чтобы лучше понимать и быстрее реагировать на проблемы населения, а на самом деле с тем, чтобы подправить свой имидж перед избирателями и СМИ. Скорее всего именно с этой целью мэр Москвы Ю.Лужков обязал столичных чиновников разработать «состав, объем и периодичность» онлайн-дневников и блогов, которые они должны вести. При этом должны быть регламентированы абсолютно все пункты блогерства: когда писать, что писать, как часто, что «не выносить» и т.д. (22).

1 января 2010 г. вступил в силу ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». С принятием закона граждане должны стать уже не только сторонними наблюдателями осуществления государственной власти, но и непосредственными участниками, поскольку гарантированное право на доступ к информации органов власти и местного самоуправления предполагает реальное, а не формальное соблюдение принципа открытости и прозрачности власти и принципа соблюдения публичности власти.

В законе не конкретизирован перечень информации, доступ к которой ограничен, что может послужить лазейкой для отказа в предоставлении информации по запросу граждан; не решена проблема получения информации о деятельности органов власти и местного самоуправления СМИ; все контрольные функции над исполнением норм закона и на этот раз переданы именно тем, кто его должен исполнять. Тем не менее, по мнению экспертов, этот закон выводит Россию на новый уровень выстраивания отношений между властью, СМИ и обществом, свидетельствует о готовности власти к открытому диалогу с ними. Но состоится ли такой диалог и будет ли власть действительно открыта для общества, покажет время (45).

В качестве одной из основных мер по профилактике коррупции в Законе «О противодействии коррупции» предусматривалось формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, в том числе путем антикоррупционной пропаганды. Однако «сегодня рассуждения о проблемах борьбы с коррупцией в России стали общим местом и оттого, в большинстве случаев, занятием демагогическим, своеобразным исполнением светского ритуала. К столь печальному выводу... приводит удручающее соотношение

агитационных, пропагандистских усилий власти, направленных на противодействие коррупции, и реальных результатов этой деятельности» (4, с. 3). Таким образом, к сожалению, антикоррупционная пропаганда – «задача на долгие годы, и вряд ли ближайшие поколения россиян будут жить в обществе, где антикоррупционное поведение, а также негативное отношение к даче взяток и взяткополучению, станет общепризнанной нормой поведения» (50, с. 131).

Весьма скептически оценивает возможность в скором будущем победить коррупцию и население страны. По данным ФОМ, 79% россиян оценивают уровень коррупции в России как высокий. При этом лишь каждый десятый участник опроса считает, что он снижается. Рост уровня коррупции фиксируют 38% наших сограждан. Всего 18% респондентов ожидают снижения уровня коррупции в ближайший год. Большинство опрошенных (53%) не ждут улучшений в этой сфере (34), что фактически совпадает с данными ТИ, показывающими, что 52% россиян считают борьбу правительства с коррупцией неэффективной (58, с. 33).

Список литературы

1. Бабенко В.Н. Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? // Россия и современный мир. – М., 2009. – № 4 (65). – С. 44–61.
2. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 5. – С. 36–47.
3. Барсукова С.Ю. Срашивание теневой экономики и теневой политики. – Режим доступа: http://mirrossii.ru/images/pubs/2009/04/12/0000329055/07_Bars_3_2006.pdf
4. Богданов И.Я., Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция на современном этапе государственно-политического развития России / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. – М., 2008. – 101 с.
5. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Сост. и отв. ред. Олимпиева И.Б., Панченко О.В. – СПб., 2007. – 234 с.
6. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/bustr_fenkorrr.php
7. В РФ чиновники за год совершили более 40 тысяч преступлений. – Режим доступа: <http://bfm.ru/news/2010/02/09/v-rf-chinovniki-za-god-sovershili-bolee-40-tysach-prestuplenij.html>

8. Виноградов М. Экватор или Рубикон? Итоги двухлетия президентства Дмитрия Медведева и вызов 2012 //Известия. – М., 2009. – 26 апреля. – С. 7.
9. Гуриев С. Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 1. – С. 11–18.
10. Д. Медведев. У коррупции в России очень уродливые формы. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/07/11/2009/343738.shtml>
11. День международной борьбы с коррупцией: чем похвастает Россия? – Режим доступа: www.k2kapital.com 09.12.2009
12. Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию: Учеб. пособие / МГУ им. М.В. Ломоносова. Социол. фак. – М., 2009. – 207 с.
13. Епифанова Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 1. – С. 33–44.
14. Кордонский С. Государство, гражданское общество и коррупция. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=1168&numid=>
15. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней / Отв. ред В.А. Номоконов. – Владивосток, 2004. – 200 с.
16. Коррупция в образовании после внедрения ЕГЭ выросла в 20–25 раз! – Режим доступа: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-26934.htm>
17. Коррупция в России: наследие советского режима и экономические реформы. – Режим доступа: <http://corruption.rsuhr.ru/magazine/4-1/n4-20.shtml>
18. Коррупция обходится России в 318 миллиардов долларов – треть от ВВП. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/social/20091124/156673415.html>
19. Латов Ю.В. Какова институциональная динамика коррупции? – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/295407.html> 05.03.10
20. Магарил С.А. Бюрократия как отражение качества образования // Правовая и политическая культура России: Прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск, 2008. – С. 108–133.
21. Медведев объявил войну «крышам». – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2010-04-15/1_corruption.html
22. Мир без большой политики // Московская неделя. – М., 2010 г. – 23 апреля – С. 3.
23. Названы самые коррумпированные профессии. – Режим доступа: <http://www.pravo.ru/review/view/7614/>
24. Наиболее коррумпированной в России остается правоохранительная сфера. – Режим доступа: <http://www.tass-ural.ru/lentanews/83052.html>
25. Наумов Ю.Г. Концепция антикоррупционного механизма в системе экономических отношений в России // Пространство экономики. Terra economicus. – Ростов-на-Дону, 2009. – Т.7, № 3. – С. 133–143.

26. Неизлечимая болезнь: ВОЗ забила тревогу по поводу коррупции в здравоохранении и фармацевтике. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/health/news/2010-01-27/120693/>
27. Нестик Т.А. Коррупция и культура. – Режим доступа: <http://corruption.rsuu.ru/magazine/4-2/n4-05.html>
28. Ни дать, ни взять (семинар ВШЭ). – Режим доступа: <http://opec.ru/1158284.html>
29. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М., 1997. – 190 с.
30. Овчинников М. Влияние финансового кризиса на реализацию антикоррупционной политики. – Режим доступа: <http://www.sigma-econ.ru/.files/4501/Ovchinnikov.doc>
31. Откуда берется коррупция и что с ней делать? – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=2597&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
32. Отражение проблем коррупции в общественном сознании россиян. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210259681.pdf 09.03.10
33. Охотский Е.В. Коррупция: Сущность, меры противодействия // Социологические исследования. – М., 2009. – № 9. – С. 25–33.
34. План Медведева по борьбе с коррупцией выглядит размыто. – Режим доступа: <http://light.finam.ru/news/article22907/default.asp>
35. Полтерович В. Страны, которым удалось из развивающихся стать развитыми, отвергали стандартные рецепты. – Режим доступа: <http://rusref.nm.ru/vic.htm>
36. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 4–24.
37. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. – 37 с. – Режим доступа: http://members.tripod.com/VM_Polterovich/ep99001.pdf
38. Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ. – Режим доступа: <http://rusref.nm.ru/vmp1.htm> 04.03.10
39. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов. – Режим доступа: <http://rusref.nm.ru/polt.htm>
40. Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. – М., 1998. – Т. 34, № 3. – С. 30–39.
41. Президент Дмитрий Медведев подписал указ об утверждении федеральной программы реформирования и развития системы госслужбы. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/11/medvedev.html>
42. Размер взяток вырос в 2,5 раза. – Режим доступа: <http://finam.info/need/news2266C00001/default.asp>
43. Результаты исследования «Природа и структура коррупции в России» / ИнОП (при участии ЦЕССИ). – М., 2006. – 9 с. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/page519/>
44. Россия-2015: судьба коррупции и судьба России. – Режим доступа: <http://www.anti-corr.ru/indem/2015/Corr2015.htm>

45. Савинцева М.И. Правовое обеспечение информационной открытости в России по новому закону о доступе к информации. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/408>
46. Савиных А. Рыба ждет денег // Известия. – М., 2010 г. – 19 апреля – С. 1, 7.
47. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики – М., 2007. – С. 4–10.
48. Сатаров Г. Коррупция – 6. – Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=8333>
49. Сатаров Г. Коррупция – 16. С надеждой. – Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=9003>
50. Смирнов С.Н. Российская бюрократия и ее роль в процессах модернизации // Мир России. – М., 2009. – № 4. – С. 115–139.
51. Социально-экономические аспекты коррупции: Пробл.-темат. сб. / РАН. ИНИОН. Отд. экономики; Отв. ред. и сост. – Жилина И.Ю. – М., 1998. – 158 с.
52. Тезисы президента РСПП А.Н. Шохина к выступлению на научном семинаре ГУ-ВШЭ «Теория и практика взаимодействия бизнеса и власти в России: Теневая экономика и коррупция в России и в мире». – Режим доступа: <http://www.derrick.ru/?f=n&id=16765>
53. Федеральным министерствам утвердили перечень товаров, которые можно закупать только на электронных аукционах. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/premier/press/ru/4523/>
54. Чиновники стали дальше от народа на 83%. – Режим доступа: <http://pda.mk.ru/economics/article/2010/04/11/465940-legkaya-kazennaya-dolya.html>
55. Daimler признался в подкупе и заплатит штраф. – Режим доступа: http://ekhoplanet.ru/buisnesothers_print_30799_4886
56. Tanzi V. Осторожно: коррупция // Transition — Экономический вестник о вопросах переходной экономики. – М., 2004. – № 2. – С. 4–5. – Режим доступа: <http://www.cefir.ru/transition.html>
57. Baromètre mondial de la corruption 2007 / Transparency international. – Rapport. – 27 p. – Mode of access: http://www.transparency.org/content/download/27399/412580/file/GCB_2007_report_french.pdf
58. Baromètre mondial de la corruption 2009 / Transparency international. – Rapport. – 40 p. – Режим доступа: http://www.transparence-france.org/e_upload/pdf/global_corruption_barometer_2009pdf.pdf
59. Rapport mondial sur la corruption 2009: La corruption et le secteur privé / Transparency international. – 362 p. – Mode of access: <http://www.transparency.org/content/download/46185/739793>
60. Transparency international. – Mode of access: <http://www.transparency.org/tools/measurement>